

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
Авторитаризм и институциональные изменения	13
Мультиэтническое государство	20
Сопоставления	23
Региональные аспекты советской политической истории	28
Метод	35
Источники	38
Обзор книги	41

Часть I. Сталин

Глава 1. Второе поколение сталинских секретарей	46
Большая чистка. Цели и причины	47
Уничтожение и выдвигение	54
Секретари на войне	61
Послевоенная стабилизация номенклатуры	73
Глава 2. Низовые диктаторы	82
Авторитарный контроль	83
Методы сплочения	88
Потворствующие верхи	103
Глава 3. Сдержки и противовесы	113
Конкурентное окружение	115
Секретари против директоров	120
Партия и государство	131
Фактор госбезопасности	137
Восстания низов	142
Глава 4. Внутри номенклатуры	154
Старшинство	155
Материальные преимущества	160
Номенклатурный иммунитет	167

Часть II. Переход

Глава 5. Москва, центр	182
Конфликт и сходство двух моделей	184
Давление и уступки	193

Часть III. Хрущев

Глава 6. Новые правила успеха	208
Упорствующие автократы	209
Оспариваемая автократия	218
Пути к компромиссу	225
Глава 7. Низовой национализм	237
Национальная политика после Сталина	239
Национальная мобилизация	244
Национальный фактор в республиканских сетях	249
Глава 8. Скандал в Рязани	264
«Рязанское дело»	267
Приписки в Кирове	276
Хрущевская чистка	281
Глава 9. Административная революция	293
Замысел реформы	295
Старшие и младшие секретари и их сети	301
Демонстрация статуса	310
Координация и соперничество	315

Часть IV. Брежнев

Глава 10. Новый курс	324
Восстановление сетей и сведение счетов	328
Кадровая политика Брежнева	334
Брежневская ротация	341
Глава 11. Партийные губернаторы	352
Уходящие автократы	355
Оспариваемая автократия	363
Новое качество сетей	370
Заключение	380
Приложение 1. Политические сети	388
Приложение 2. Номенклатура	392
Приложение 3. Региональные партийные выборы	395
Библиография	398
Указатель имен	427

Bepe

ВВЕДЕНИЕ

Что такое авторитарные режимы и как они функционируют? Каким образом разные страны переходят от одной формы авторитаризма к другой? В настоящей книге мы рассмотрим эти вопросы на примере одной из самых известных авторитарных систем XX века, но под определенным углом зрения. Авторы большинства работ о личной диктатуре, складывавшейся в Советском Союзе с 1930-х годов, ставят в центр внимания ее вождя И. В. Сталина, имея для этого серьезные основания. Сталин на протяжении более чем двадцати лет обладал беспрецедентными возможностями, позволявшими ему определять политический курс, производить подбор кадров и контролировать систему надзора и репрессий. Однако при этом Сталин не был единственным автократом в СССР. Он опирался на значительный корпус низовых руководителей, прежде всего партийных секретарей в республиках, входивших в состав СССР, и региональных структурах (краях, областях, автономных образованиях)¹.

В свою очередь, и первые секретари местных парткомитетов, которые являются главными героями этой книги, не действовали в одиночку. Они опирались на сети, имевшие одновременно формальный и неформальный характер. С одной стороны, эти сети складывались из руководителей партийно-государственных структур, должностное положение которых во многих случаях определяло их место в сетевой иерархии. С другой стороны, сети строились на основании патрон-клиентских отношений

¹ Несмотря на очевидные различия между национальными республиками и административными образованиями, процессы формирования сетей, которые изучаются в этой книге, в значительной мере повсеместно были схожими и следовали общей логике. По этой причине мы будем использовать как республиканские, так и региональные материалы — они скорее дополняли, чем противоречили друг другу.

и руководствовались в своих действиях не только формальными директивами, но также неформальными нормами групповой солидарности, иерархии и лояльности. Иначе говоря, такие сети не были простой совокупностью чиновников определенного уровня. Выступая в качестве руководящей группы, сети складывались как результат формальных назначений и неформальных предпочтений первых секретарей. В отдельных случаях из сетей исключались функционеры, занимавшие высокие должности, но включались представители менее значимых структур. Сети могли разделяться на конкурирующие фракции, но чаще всего консолидировались вокруг первых секретарей. В этой книге мы обращаем особое внимание на несколько аспектов этого явления. Первый — механизмы и методы формирования сетей. Во-вторых, нас интересуют, прежде всего, сети доверия, которые распространялись в условиях низкого уровня доверия, особенно характерного для сталинской эпохи. Наконец, мы исследуем проблему в динамике постепенного перехода от небольших асимметричных сетей в позднюю сталинскую эпоху к более разветвленным при Брежнев¹.

По своему положению первые секретари, возглавлявшие сети, существенно отличались от верховного лидера. Они находились под жестким контролем сверху. Они не располагали такими же, как Сталин, неограниченными возможностями принимать решения и применять массовые репрессии. Тем не менее они выступали как авторитарные руководители, имевшие немалое самостоятельное значение. Каждый из них управлял либо страной (советские республики формально являлись независимыми), либо регионом, порой достигавшим размера европейского государства. На протяжении ряда лет, нередко очень долго, они распоряжались судьбами миллионов людей и фактически имели широкие возможности для подавления недовольства и поощрения лояльности. Вместе с тем и региональная политика Сталина, и действия местных руководителей постепенно менялись. Военный и послевоенный этапы советской истории, как будет показано в книге, в этом отношении заметно отличались от 1930-х годов.

¹ Об общих проблемах сетевого анализа см. Приложение 1.

Такие перемены приобрели новое качество в периоды, традиционно определяемые по именам новых лидеров, возглавлявших страну, — Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева. Именно эти три этапа — сталинский, хрущевский и отчасти брежневский — охватывает эта книга. Такое разделение не является искусственным. Как мы увидим, это были действительно разные стадии развития местных руководящих сетей. Хотя в той или иной мере они связаны некоторыми общими чертами, коренящимися главным образом в сталинском наследии.

Авторитарные местные руководители встречаются в разных современных политических системах, но отличительной чертой низового диктатора (автократа) служит то, что он действует в контексте центральной диктатуры (авторитарного режима)¹. Это позволяет использовать для анализа низовых авторитарных сетей в числе прочего общие положения теории диктатур. Среди подходов, которые были особенно полезны для этой книги, нужно назвать исследование методов авторитарного контроля (сдерживания угроз со стороны масс) и авторитарного разделения власти (предотвращение угроз со стороны высших руководителей, окружавших авторитарного лидера)². Мы полагаем,

¹ Можно привести множество примеров местных авторитарных анклавов в рамках многоуровневых (обычно федеративных) демократий и демократизирующихся режимов (см.: *Benton A. L. Bottom-Up Challenges to National Democracy: Mexico's (Legal) Subnational Authoritarian Enclaves // Comparative Politics. 2012. Vol. 44. № 3. P. 253–271; Gervasoni C. A Rentier Theory of Subnational Regimes: Fiscal Federalism, Democracy, and Authoritarianism in the Argentine Provinces // World Politics. 2010. Vol. 62. № 2. P. 302–340; Gibson E. L. Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Federal Democracies. N. Y.: Cambridge University Press, 2013; Giraudy A. Democrats and Autocrats: Pathways of Subnational Undemocratic Regime Continuity within Democratic Countries. Oxford: Oxford University Press, 2015). Однако в той степени, в какой их средой существования являются неавторитарные режимы, их было бы неправильно относить к низовым диктатурам. В соответствии со сложившейся практикой мы определяем общегосударственный авторитаризм от противного, как «политический режим, при котором правители приходят к власти способами, отличающимися от составительных выборов» (см., например: *Gandhi J. Political Institutions under Dictatorship. N. Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 7).**

² *Svolik M. W. The Politics of Authoritarian Rule. N. Y.: Cambridge University Press, 2012.* Данное различие, хотя и выраженное иными понятиями, фиксируется и в других работах (*Gandhi J. Political Institutions under Dictatorship. P. 164–165; Geddes B. Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. P. 50).*

что для акторов, действующих внутри сетей, эта двойная задача — контроля и разделения власти — решалась не только в центре, но и на низовом уровне, хотя и претерпевала в последнем случае некоторые изменения.

Одним из краеугольных камней сталинской власти был страх, порождавшийся неприкрытыми репрессиями, но большинство низовых секретарей не могли позволить себе такую стратегию. Вместо этого они нередко были вынуждены прикладывать огромные усилия, чтобы подчинить руководящие сети более тонкими методами, чем сталинские. Что касается более широкого социального недовольства и антиправительственных выступлений, то они подавлялись силовыми ведомствами, подчинявшимися центральному руководству¹. В большей или меньшей степени эти различия между центральными и местными методами контроля и подчинения наблюдались как в сталинский, так и в хрущевский и брежневский периоды.

Вместе с тем секретарям приходилось решать еще одну важную проблему, которая по определению не стояла перед центром: как отвечать на нажим сверху, касающийся как напряженных плановых заданий, так и интервенций с целью кадровых перестановок. Конечно, в советской централизованной системе существовали многочисленные способы противодействия центру и смягчения его требований при помощи неформальных соглашений и компромиссов². Однако все это требовало немалых усилий.

В конечном счете типичная стратегия решения задач, вставших перед секретарями, заключалась в создании руководящих сетей, в той или иной степени основанных на доверии. В СССР это не было простым делом, поскольку взаимоотношения между людьми (в большей мере при Сталине, но и позже) нередко отравлялись подозрениями и недоверием. Такое

¹ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). М.: РОССПЭН, 2010; Baron S. Bloody Saturday in the Soviet Union: Novocheboksinsk, 1962. Stanford: Stanford University Press, 2001. P. 44, 46–48, 59–60; Statiev A. The Soviet Counterinsurgency in the Western Borderlands. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

² Грегори П., Харрисон М. Распределение в условиях диктатуры: исследование на базе архивного материала сталинской эпохи // Экономическая история. Ежегодник. 2013. М.: РОССПЭН, 2014. С. 251–330.

возможное решение этой проблемы, как опора на клиентские, а тем более родственные связи, пресекалось формальной системой назначения кадров — номенклатурой¹. Номенклатурные правила не допускали значительных групповых переводов кадров, связанных общностью карьеры и жизненного пути. Соответственно, секретарям обычно приходилось создавать свои сети с нуля. Выбравшиеся ими стратегии имели нечто общее с формированием групп в иных общностях, характеризующихся низким уровнем доверия. Задача заключалась в том, чтобы обеспечить структурную зависимость своих сторонников и тем самым заложить фундамент их долгосрочной лояльности.

В данной книге описаны основные стратегии создания сетей. Во-первых, секретари могли воспользоваться контролем над региональной партийной организацией для применения различных степеней исключения — классического способа создания сетей. Исключения могли варьироваться от неформальных вариантов — изоляции и игнорирования в процессе принятия решений, недопущения на заседания — до партийных выговоров и исключения из партии. Во-вторых, секретари могли воспользоваться компрометирующей информацией в качестве рычага воздействия на своих коллег. Дефицит доверия иногда был настолько велик, что обладание компроматом парадоксальным образом становилось сравнительно надежной основой доверия². Третья стратегия заключалась в карьерном продвижении работников через головы их коллег, имеющих большее право претендовать на освободившуюся должность. Многие секретари имели склонность окружать себя клиентами из числа работников, получивших такое внеочередное повышение. Нередко такие выдвигенцы, подвергавшиеся критике как своеобразные номенклатурные парвеню, в большей степени, чем другие, зависели от защиты со стороны патрона. В институциональном плане партия и ее исполнительное звено, региональный партийный аппарат, были хорошо приспособлены к решению всех этих задач в интересах секретаря.

¹ О различных смыслах понятия «номенклатура» см. Приложение 2.

² Эта тема более широко разбирается в: *Schelling T. C. The Strategy of Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. P. 43; *Gambetta D. Codes of the Underworld: How Criminals Communicate*. Princeton: Princeton University Press, 2009. P. 37, 40–41, 59.

АВТОРИТАРИЗМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Институтами называются регулярные практики (правила), определяющие взаимоотношения между людьми. Институты бывают более и менее значительными по масштабам, формальными и неформальными, политическими и экономическими и т. д., но для того, чтобы институт функционировал эффективно, нужно, чтобы его механизмы были четко определены и приняты (добровольно или вследствие принуждения) всеми вовлеченными в поле его действия акторами.

Если одна из целей данной книги — понять, как работали институты в СССР, то другая — выяснить, как они изменялись с течением времени. В центре внимания большинства работ об институциональных изменениях в условиях диктатуры находится переход от авторитаризма к демократии. Вместе с тем существует и такое новое направление исследований, как объяснение переходов (трансформаций) внутри авторитаризма¹. Советский Союз в рассматриваемый в книге период демонстрировал пример серьезного внутрисистемного сдвига. С 1940-х по 1970-е годы в стране произошел переход от репрессивной автократии к олигархии с относительно невысоким уровнем репрессий. При этом встает вопрос более широкого плана: почему автократический режим, изначально отличавшийся резким дисбалансом власти между автократом и его окружением, эволюционировал в компромиссную автократию?²

¹ Эти переходы делятся на две категории: во-первых, превращение одного типа авторитарного режима в другой (например, переход от однопартийного режима к военной диктатуре); во-вторых, изменения в рамках данного режима. Нас интересуют именно последние. Больше о переходах между авторитарными режимами см.: *Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set // Perspectives on Politics*. 2014. Vol. 12. № 2. P. 313–331; *Magaloni B., Kricheli R. Political Order and One-Party Rule*. P. 125.

² *Svolik M. W. The Politics of Authoritarian Rule*. P. 54–70, 73–79, 96–99. Следует отметить, что по-своему этот вопрос поднимало первое поколение теоретиков тоталитаризма (так и не дав на него убедительного ответа), пытавшееся понять, каким образом режим, настолько зависимый от власти одного-единственного человека и от чрезвычайно высокого уровня репрессий, мог выжить в отсутствие того и другого.

Большинство исследователей, рассматривающих этот вопрос, как правило, ставят во главу угла смерть или устранение автократа. Согласно этой точке зрения, фактором, способствовавшим институциональному переходу от единоличного к коллективному правлению в Советском Союзе, послужила смерть Сталина наряду с другими изменениями — такими, как, например, расширение селектората, от которого зависят политики¹. После открытия архивов у историков появилась возможность исследовать политические процессы, происходившие сразу после смерти Сталина, более предметно, с опорой на документы². Однако таких документов все еще недостаточно, что тормозит комплексное изучение механизмов перехода, политических намерений и практик.

В одной из своих предыдущих книг мы показали, что ряд важных институциональных изменений на верхних этажах системы произошел еще при жизни Сталина. Они были результатом делегирования Сталиным ряда полномочий своим соратникам, прежде всего в Совете Министров СССР, руководящие комиссии которого работали достаточно автономно, не находясь под постоянным контролем вождя. Конечно, такое делегирование имело условный характер, поскольку Сталин оставил за собой право вмешиваться в работу любых органов и подвергать их реорганизации всякий раз, когда считал это нужным. В то же время делегирование было реальным и вполне институционализированным, поскольку подчинялось набору правил, понимавшихся ключевыми акторами и соблюдавшихся ими. Вряд ли это входило в намерения Сталина, но именно такие структуры выработали (или возродили) практику коллективного принятия

¹ *Rigby T.H.* Khrushchev and the Resuscitation of the Central Committee // *Australian Outlook*. 1959. Vol. 13. № 1. P. 165–180; *Pethybridge R.W.* A Key to Soviet Politics: The Crisis of the «Anti-Party» Group. London: Allen and Unwin, 1962; *Roeder P.G.* Red Sunset: The Failure of Soviet Politics. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 24–27, 73–74.

² См., например: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти. 1945–1991. М.: Издательство РАГС, 1998; *Данилов А.А., Пыжиков А.В.* Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001; *Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы* / Сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФД, 1999; *Сорокин А.К.* «Практический работник» Георгий Маленков. М.: Политическая энциклопедия, 2021.

решений, ставшую стабилизирующим фактором транзита после смерти вождя¹.

В данной книге мы изучаем аналогичный процесс, происходивший на региональном уровне. Диктатор условным образом делегировал власть своим представителям в регионах и союзных республиках. Условность делегирования заключалась в том, что секретари по истечении установленного срока расставались со своими должностями, а также в том, что диктатор при желании имел возможность снять любого из них и разрушить соответствующую сеть. Вместе с тем, как и в случае с высшими эшелонами власти, делегирование было институционализировано. Это повлекло за собой последствия, проявившиеся после смерти Сталина.

Зачем высшие советские лидеры делегировали власть? Большевики выстраивали государство, которое отличалось высоким уровнем централизации: ресурсы в нем распределялись центром, партийные функционеры вплоть до самого низкого, районного уровня формально назначались Москвой, а местным кадрам приходилось осуществлять регулярные кампании, инициированные сверху. Однако этот высокий уровень централизации ставил перед центром дилемму, которую обществоведы называют проблемой агентности². В теории агентности проводится различие

¹ Gorlizki Y. Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neo-Patrimonial State, 1945–1953 // *Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. № 4. P. 699–736; Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011.

² Впервые эта тема плодотворно освещалась в таких работах, как: Ross S. A. The Economic Theory of Agency: The Principal's Problem // *American Economic Review*. 1973. Vol. 63. № 2. P. 134–139; Mirrlees J. A. The Optimal Structure of Incentives and Authority within an Organization // *Bell Journal of Economics*. 1976. Vol. 7. № 1. P. 105–131; Jensen M. C., Meckling W. H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // *Journal of Financial Economics*. 1976. Vol. 3. № 4. P. 305–360. В дальнейшем она резюмировалась и дополнялась в: Moe T. The New Economics of Organization // *American Journal of Political Science*. 1984. Vol. 28. № 4. P. 739–777; Stiglitz J. E. Principal and Agent // *The New Palgrave: Allocation, Information, and Markets* / Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. N. Y.: Palgrave Macmillan, 1989. P. 241–253; Eggertsson T. Economic Behaviour and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 40–45; Laffont J.-J., Martimort D. The Theory of Incentives: The Principal-Agent Model. Princeton: Princeton University Press, 2002. Применение теории агентности к диктатуре см.: Egorov G., Sonin K. Dictators and Their Viziers: Endogenizing the Loyalty–Competence Trade-off // *Journal of the European Economic Association*. 2011. Vol. 9. № 5. P. 904–909.

между формальными и реальными механизмами власти. Пусть диктатор восседает на вершине грандиозной властной структуры, но информация о возможностях и успехах функционеров на местах остается преимущественно на нижних уровнях¹. Первые секретари, которых московские лидеры могли непосредственно контролировать, не обязательно обладали способностью добиваться нужных результатов, в частности потому, что не имели нужных связей в регионах и знания местных условий.

Делегирование власти было призвано решать такие проблемы и при Сталине, и в последующие годы. Типом делегирования была, например, коренизация — поощрение в определенных менявшихся рамках национальных элит, языков и культур. К разряду делегирования можно отнести терпимое отношение Сталина (не говоря уже о Брежнев) к сетям и покровительству, несмотря на периодические обличения подобных явлений. Эти тенденции развивались на протяжении всей советской истории, отличаясь на каждом ее этапе своеобразием.

Делегирование власти в пользу секретарей обставлялось различными институциональными предохранителями, включающими репрессии, нерепрессивные ротации, региональные выборы и сложную систему мониторинга и контроля. Эти предохранители служили причиной институциональных изменений, шедших десятилетиями и не прерывавшихся из-за смены власти в Москве. В литературе в целом лучше всего исследованы механизмы и последствия репрессий, прежде всего сталинских. В центре внимания большинства работ стоит вопрос о том, каким образом репрессии использовались для решения проблемы авторитарного контроля². Диктаторы прибегают к насилию с целью

¹ См. об этом: *Mirrlees J.A.* The Optimal Structure of Incentives. P. 105–107; *Stiglitz J.E.* Principal and Agent. P. 241–242; *Eggertsson T.* Economic Behaviour and Institutions. P. 41. Асимметричность информации представляет собой одну из сторон проблемы агентства. Другая заключается в том, что агенты и их принципы могут преследовать разные цели. Больше об этом: *Laffont J.-J., Martimort D.* The Theory of Incentives.

² Прежде всего в этом отношении нужно отметить многочисленные исследования о массовых операциях 1937–1938 годов: *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003; *Хаустов В.Н., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009; *Ширер Д.Р.* Сталинский военный

предотвращения угроз, исходящих со стороны масс, а после консолидации своей власти — для достижения иных приоритетных целей¹. В то же время дальнейшего изучения требует вопрос о воздействии репрессий на правящую коалицию². В числе прочего речь идет о переоценке своеобразного экономического подхода к пониманию диктатур, который предполагает, что ключевые взаимоотношения между диктатором и его ближним кругом сводятся к «договоренностям» или «сделкам» на основе добровольного обмена³. Имеющиеся на данный момент факты позволяют утверждать, что страх перед диктатором подавляет возможность формирования организованных группировок, способных на коллективные действия. Соответственно, не всегда

социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе. 1924–1953. М.: РОССПЭН, 2014, и многие другие. В последние годы на основании новых архивных документов активизировалось изучение проблемы исполнителей террора: *Viola L. Stalinist Perpetrators on Trial: Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine*. N. Y.: Oxford University Press, 2017; Чекисты на скамье подсудимых / Ред. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Росман. М.: Пробел-2000, 2017.

¹ О применении репрессий с целью предотвращения народных восстаний см.: *Wintrobe R. The Political Economy of Dictatorship*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 33–37; *Acemoglu D., Robinson J. A. Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. P. 270–282; *Davenport C. State Repression and the Tyrannical Peace // Journal of Peace Research*. 2007. Vol. 44. № 4. P. 485–504; *Svolik M. W. The Politics of Authoritarian Rule*. Chap. 5; *Escribà-Folch A. Repression, Political Threats, and Survival under Autocracy // International Political Science Review*. 2013. Vol. 34. № 5. P. 543–560.

² *Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. М.: РОССПЭН, 2010; *Хлевнюк О. В. Горлицкий Й. Холодный мир; Gregory P. R. Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin (An Archival Study)*. New Haven: Yale University Press, 2008. Chap. 5; *Фицпатрик III. Команда Сталина. Годы опасной жизни в советской политике*. М.: Издательство Института Гайдара, 2021.

³ О роли договоренностей, сделок, заслуживающих доверия обещаний и соблазна будущих наград в структуре диктатур см., например: *Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R. M., Morrow J. D. The Logic of Political Survival*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 28–29; *Myerson R. B. The Autocrat's Credibility Problem and Foundations of the Constitutional State // American Political Science Review*. 2008. Vol. 102. № 1. P. 127, 125; *Desai R. M., Olofsgård A., Yousef T. M. The Logic of Authoritarian Bargains // Economics and Politics*. 2009. Vol. 21. № 1. P. 93–125; *Svolik M. W. The Politics of Authoritarian Rule*. P. 14. При этом встает более широкий вопрос о том, каким образом отправление политической власти — в конечном счете опирающееся на принуждение — может сочетаться с экономическими моделями, основанными на добровольном обмене.

стоит говорить о фракциях и тем более о торге между ними¹. С точки зрения диктатора это может быть одним из главных преимуществ насилия.

Даже те исследователи, которые в целом признают воздействие репрессий на правящую коалицию при авторитаризме, зачастую рассматривают их как постоянный, неизменный внешний фактор, играющий роль «непременного и финального арбитра конфликтов»². Однако уровень насилия может изменяться с течением времени, что как раз и наблюдалось в советской системе. В данной книге снижение размаха репрессий против номенклатуры, включая республиканских и региональных секретарей, связывается с институциональными инновациями, проявившимися еще при жизни Сталина.

Еще одним фактором институциональных изменений были региональные партийные выборы. Выборы по сей день остаются одним из самых загадочных и наименее изученных авторитарных институтов. В большинстве работ, посвященных этой теме, разбираются преимущественно случаи либерального авторитаризма, когда проводятся выборы на альтернативной основе, но при этом правящая элита складывается из четко обозначенных соперничающих группировок³. Применительно к советской

¹ Ср.: *Geddes B. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // Annual Review of Political Science. 1999. Vol. 2. P. 115–144; Geddes B. Paradigms and Sand Castles. P. 55–62; Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Breakdown and Regime Transitions. P. 319.* Применительно к ранней сталинской системе см.: *Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996.* Применительно к позднему сталинизму актуальные исследования «ленинградского дела» также не позволяют говорить о формировании политически мотивированной фракции в высшем руководстве, что могло бы стать причиной этой масштабной чистки. См.: *Амосова А. А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации «ленинградского дела» конца 1940-х — начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 94–112; Tromly B. The Leningrad Affair and Soviet Patronage Politics, 1949–1950 // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56. № 5 (July). P. 707–729; Brandenberger D. Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism // Russian Review. 2004. Vol. 63. № 2. P. 241–255; *Болдовский К. А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». М.: Нестор-История, 2018.**

² *Svolik M. W. The Politics of Authoritarian Rule. P. 2, 14, 57.*

³ В число недавних работ, посвященных электоральному, демократическому или конкурентному авторитаризму, входят: *Levitsky S. R., Way L. A. The Rise*

истории анализу в основном подвергаются выборы в Верховный Совет или иные формы поощрения специфической советской фасадной демократии¹. Мы также уделим внимание партийным выборам. Как и на государственных выборах, избиратели на региональных партийных конференциях не могли выбирать между несколькими кандидатами или устранить действующего партийного секретаря, особенно на областном или республиканском уровне. Однако одна из причин, по которой нужно относиться к таким выборам серьезно, — применявшаяся с определенного момента процедура тайного голосования². Благодаря этому у делегатов конференций появлялась возможность определенной анонимности и протестного голосования против неугодных руководителей, включая первых секретарей.

Таким образом, партийные выборы занимали свое место в практиках советского управления регионами. Они позволяли Москве получать информацию об эффективности ее региональных представителей, о степени сплоченности региональных сетей и, соответственно, способности секретарей проводить в жизнь решения центра. Вместе с тем, как мы покажем,

of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 2. P. 51–65; *Levitsky S.R., Way L.A.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; *Brownlee J.* Authoritarianism in an Age of Democratization. Cambridge: Cambridge University Press, 2007; *Morse Y.L.* The Era of Electoral Authoritarianism // *World Politics*. 2012. Vol. 64. № 1. P. 161–198; *Schedler A.* The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism. Oxford, NY: Oxford University Press, 2013; *Brancati D.* Democratic Authoritarianism: Origins and Effects // *Annual Review of Political Science*. 2014. Vol. 17. P. 313–326. Более широко тема выборов при диктатуре разбирается в: *Gandhi J., Lust-Okar E.* Elections under Authoritarianism // *Annual Review of Political Science*. 2009. Vol. 12. P. 403–422.

¹ *Getty J.A.* State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. № 1. P. 18–35; *Голдман В.З.* Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М.: РОССПЭН, 2010; *Великанова О.В.* Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. Нередко авторы, изучающие такие механизмы массового социального манипулирования в сталинский период, преувеличивают их значение и степень воздействия на реальные практики управления и политику террора. См. критику этих подходов: *Фельдман М.А.* К вопросу о «способности социалистической риторики структурировать новую социальную реальность» // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 183–191.

² См. Приложение 3.

секретари научились использовать выборы в своих целях, что также стало источником определенных институциональных изменений.

Изучение институционального развития на региональном уровне полезно в двух отношениях. Во-первых, оно демонстрирует, что институциональные изменения не были полностью связаны с политикой центра. Во-вторых, исследуя разновидности институциональной эволюции, мы получаем возможность включить советский случай в контекст сравнительного анализа институтов. Эти новые подходы ставят в центр внимания не столько внешние потрясения (революцию, военное поражение или смерть вождя), сколько медленные эндогенные формы институционального развития¹.

Мультиэтническое государство

И Советский Союз, и предшествовавшая ему Российская империя объединяли многочисленные этноязыковые и этнорелигиозные общности. Советская политика в отношении этих групп являлась новым словом. По-видимому, ее самой заметной чертой являлось то, что в СССР так и не была сформулирована доктрина советской нации на общегосударственном уровне. Понятия нации и национальности институционализировались главным образом посредством создания национальных республик и других национальных образований². Из этого не следует, что большинство территориальных единиц в СССР

¹ В число авторов, первыми подчеркнувших медленный и постепенный характер институциональных изменений, входят Д. Норт (*North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 6, 89*) и Дж. Найт (*Knight J. Institutions and Social Conflict. P. 127*). См. также: *Pierson P. Politics in Time. P. 153; Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power / Ed. by J. Mahoney, K. Thelen. Cambridge: Cambridge University Press, 2009; Норт Д., Уоллес Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011; Thelen K., Conran J. Institutional Change // The Oxford Handbook of Historical Institutionalism / Ed. by O. Fioretos, T. G. Falleti, A. Sheingate. N. Y.: Oxford University Press, 2016. P. 51–70.*

² Это ключевая тема работы: *Brubaker R. Nationalism Reframed. P. 26–29*. Помимо союзных и автономных республик, в СССР существовали автономные области и автономные округа.

было сформировано по этническому принципу. Но там, где это происходило, местные руководители действовали с учетом национального фактора.

Чтобы разобраться в этом, следует принять во внимание два принципа советской национальной политики, направленной на контролирование национальных меньшинств. Во-первых, для предотвращения угрозы национализма, вызвавшего катаклизмы в европейских империях в эпоху Первой мировой войны, большевики предоставили крупным этническим меньшинствам Советского Союза собственные национальные территории. Во главе этих территорий были поставлены этнотерриториальные элиты; поощрялся национальный язык титульной этнической группы в качестве языка начального и среднего образования, а на первых порах и государственного языка. Эта политика во всей ее совокупности подпадает под зонтичный термин «коренизация»¹. Второй принцип советской национальной политики был связан с классификацией граждан. Во внутренних паспортах, решение о введении которых было принято в конце 1932 года, имелась графа «национальность». Личная национальность определялась исходя из происхождения, а не места жительства. Аналогично системе территориальных наций личная национальность в СССР была институционализована исключительно на низовом уровне: советские граждане поэтому не могли причислять себя к единой общности, которую можно было бы назвать советской нацией.

После Великой Отечественной войны эти две линии национальной политики слились воедино. В то время как в 1920-х и в начале 1930-х годов коренизация навязывалась центром —

¹ См. об этом: *Suny R. G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford: Stanford University Press, 1993. P. 102–106, 110–112; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011; Государство наций. Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М.: РОССПЭН, 2011; Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье. 1923–1933 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016; Аманжолова Д. А., Дроздов К. С., Красовицкая Т. Ю., Тихонов В. В. Советский национальный проект в 1920–1940-е гг.: идеология и практика. М.: Новый хронограф, 2021; Goff K. Nested Nationalism: Making and Unmaking Nations in the Soviet Caucasus. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2021.*

нередко к раздражению местных функционеров, особенно этнических русских, — постепенно она получала более значительную социальную поддержку со стороны титульных наций. «Коренизация сверху» постепенно сменилась «коренизацией снизу».

Каким образом эти тенденции могли сказаться на секретарях? Во-первых, коренизация подразумевала не только квоты на этнический состав местных элит, но и все более настойчивое требование, чтобы республиканские первые секретари принадлежали к титульной нации. В этом случае они располагали более широкими возможностями для консолидации местных сетей, могли общаться с населением на его языке. К середине 1950-х годов имелось уже достаточно кадров из рядов титульных наций, чтобы эта политика стала возможной. В неславянских республиках в дополнение к первому секретарю, принадлежащему к титульной нации, назначался второй секретарь из славян. Второй секретарь контролировал расстановку кадров, контактировал с госбезопасностью и присматривал за первым секретарем, несколько ограничивая его полномочия¹.

Как и всем другим, руководителям национальных республик приходилось решать двойную проблему — авторитарного контроля и авторитарного разделения власти. Советская национальная политика давала им определенную фору в этом отношении. Руководители в национальных республиках могли решать проблемы авторитарного контроля и разделения власти, разыгрывая национальную карту и используя партию в качестве агента мобилизации². Реагируя на потенциальные угрозы этой политики, центру приходилось действовать аккуратно, соглашаясь

¹ *Miller J.H.* Cadres Policy in Nationality Areas: Recruitment of CPSU First and Second Secretaries in Non-Russian Republics of the USSR // *Soviet Studies*. 1977. Vol. 29. № 1. P. 7–8, 19; *Grybkauskas S.* The Role of the Second Party Secretary in the «Election of the First»: The Political Mechanism for the Appointment of the Head of Lithuania in 1974 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2013. Vol. 14. № 2. P. 343; *Grybkauskas S.* *Governing the Soviet Union's National Republics: The Second Secretaries of the Communist Party*. N. Y.: Routledge, 2021.

² *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОССПЭН, 2008; *Хирш Ф.* Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022; *Moscow and the Non-Russian Republics in the Soviet Union* / Ed. by L. Bennich-Björkman and Saulius Grybkauskas. N. Y.: Routledge, 2022.

на различные уступки «допустимому национализму», а также местным сетям в случаях избрания новых первых секретарей¹.

СОПОСТАВЛЕНИЯ

Советский Союз представлял собой однопартийное государство, принадлежавшее к той категории режимов «господствующей партии», которая во второй половине XX века охватывала около 60% недемократических государств мира². Их характерными чертами являлись долговечность, стабильность и устойчивость по сравнению с другими формами авторитаризма — такими, как военные или монархические диктатуры³. Существуют два конкурирующих объяснения такой устойчивости. Первое ставит во главу угла роль институтов⁴. Эмпирический анализ однопартийных государств показывает, что они менее подвержены путчам,

¹ См. главу 7.

² *Magaloni B., Kricheli R. Political Order and One-Party Rule. P. 123–124.* Следуя существующей классификации, мы понимаем под однопартийными режимами те, где была разрешена только одна партия, а также те, где правящая партия неизменно сохраняет сверхбольшинство в парламенте, хотя при этом может допускаться существование других партий.

³ См. об этом: *Geddes B. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? P. 135; Geddes B. Paradigms and Sand Castles. P. 69, 78, 82; Smith B. Life of the Party: The Origins of Regime Breakdown and Persistence under Single-Party Rule // World Politics. 2005. Vol. 57. № 3. P. 421–451; Magaloni B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // Comparative Political Studies. 2008. Vol. 41. № 4–5. P. 715–741; Magaloni B., Kricheli R. Political Order and One-Party Rule. P. 124; Reuter O. J., Gandhi J. Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties // British Journal of Political Science. 2010. Vol. 41. № 1. P. 83–110; Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Breakdown and Regime Transitions. P. 318–319; Levitsky S., Way L. Revolution and Dictatorship: The Violent Origins of Durable Authoritarianism. Princeton: Princeton University Press, 2022. Понятия «долговечность», «стабильность» и «устойчивость» имеют различный смысл. Под долговечностью понимается длительный срок существования данного режима; стабильность связана с малой вероятностью того, что лидер будет устранен в ходе путча или восстания; устойчивость относится к способности режима выдержать серьезные системные кризисы (*Levitsky S. R., Way L. A. Beyond Patronage: Violent Struggle, Ruling Party Cohesion, and Authoritarian Durability // Perspectives on Politics. 2012. Vol. 10. № 4. P. 870, 880*).*

⁴ *Gandhi J. Political Institutions under Dictatorship; Magaloni B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule; Svobik M. W. The Politics of Authoritarian Rule.*

организованным ближайшим окружением верховного руководителя, и восстаниям населения в целом¹. На уровне авторитарного разделения власти малое число путчей объясняется существованием таких институтов, как политбюро, позволяющих вождю контролировать своих соратников². На уровне авторитарного контроля незначительное количество народных восстаний приписывается институциональной способности правящих партий кооптировать инсайдеров, связывать их зависимостью от партийной службы и партийного старшинства, следствием чего становится долгосрочная ставка на выживание режима³.

Конкурирующий набор объяснений связан с историческими корнями революционных режимов⁴. Самые долговечные однопартийные режимы складываются в период длительного насилия — во время гражданских или освободительных войн. Идентичности, нормы и организационные структуры, сформировавшиеся в ходе продолжительных конфликтов, имеющих идеологическую основу, способствуют консолидации партийных границ, мобилизации массовой поддержки и сплочению правящего слоя. В случае Советского Союза было не одно, а два потрясения такого рода. Вслед за Гражданской войной после большевистской революции последовала Великая Отечественная война, сыгравшая критическую роль в продлении жизненного цикла советской власти.

Факты, представленные в данной книге, указывают на ряд возможных способов уточнения обоих подходов. Мы показываем,

¹ *Svolik M. W. The Politics of Authoritarian Rule. P. 184–192.*

² *Gandhi J. Political Institutions under Dictatorship. P. 20, 29–31.* Несколько иная трактовка, подчеркивающая роль процедур как публично наблюдаемых сигналов о готовности вождя делиться властью, предлагается в: *Voix C., Svolik M. W. The Foundations of Limited Authoritarian Government: Institutions, Commitment, and Power-Sharing in Dictatorships // Journal of Politics. 2013. Vol. 75. № 2. P. 309, 311.*

³ *Svolik M. W. The Politics of Authoritarian Rule. Chap. 6;* иную трактовку см.: *Gandhi J. Political Institutions under Dictatorship. P. 76–82, 100.*

⁴ Эта позиция разделяется авторами таких работ, как: *Smith B. Life of the Party; Brownlee J. Authoritarianism in an Age of Democratization; Slater D. Ordering Power: Contentious Politics and Authoritarian Leviathans in Southeast Asia. N. Y.: Cambridge University Press, 2010; Levitsky S., Way L. Revolution and Dictatorship.* Их аргументы восходят к более ранним работам С. Хантингтона (*Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 418, 424–425).*

что своей устойчивостью советская система во многом была обязана адаптируемости институтов, их способности к изменениям. Власть регионального партийного секретаря опиралась как на политические исключения, так и на разные формы кооптации, делавшие ее более устойчивой.

К числу политических исключений относилось прежде всего лишение членства в партии. В первые два десятилетия советской власти происходили значительные партийные чистки, часто связанные с масштабными арестами. Наиболее значительные исключения наблюдались в 1933–1935 годах, когда партийные билеты потеряли соответственно 10,2, 7,8 и 12,7% коммунистов, числившихся на начало года¹. В 1939 году массовые чистки были формально прекращены². Тем не менее исключение отдельных членов партии продолжалось, хотя теперь оно происходило на индивидуальной основе. Конец массовых чисток и резкий рост численности коммунистов — с 2,3 млн в 1939 году до 5,76 млн в 1945 году и 14 млн в 1970-м — привел к тому, что после 1939 года из партии никогда не исключалось более 3% ее членов в течение одного календарного года³.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 873. Л. 23–24. Прием в партию в этот период не проводился, поэтому к началу 1937 года ее численность сократилась до 2 млн человек по сравнению с 3,5 млн на начало 1933-го. Это объясняло парадоксально умеренный масштаб исключений из рядов партии в 1937–1938 годы, в годы Большого террора.

² На самом деле после 1939 года произошла еще одна массовая чистка, затронувшая 150 тысяч коммунистов, либо находившихся в плену у немцев, либо проживавших на оккупированных нацистами территориях, — большинство из них было исключено из партии в 1944–1949 годы. Об этом см.: *Cohn E. The High Title of a Communist: Postwar Party Discipline and the Values of the Soviet Regime*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2015. Chap. 2; *Voisin V. Caught between War Repressions and Party Purge: The Loyalty of Kalinin Party Members Put to the Test of the Second World War // Cahiers du monde russe*. 2011. Vol. 52. № 2–3. P. 341–372.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 873. Л. 23; РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 4. Л. 78 об., 7 об.; Д. 13. Л. 9 об., 102 об., 171 об.; Д. 12. Л. 217 об.; *Cohn E. The High Title of a Communist*. P. 38; *Rigby T.H. Communist Party Membership in the USSR*. Princeton: Princeton University Press, 1968. P. 52–53; *Rigby T.H. Soviet Communist Party Membership under Brezhnev // Soviet Studies*. 1976. Vol. 28. № 3. P. 322. Учтены исключения, затронувшие как полноправных членов партии, так и кандидаты, но не учитываются случаи автоматического исключения, связанные с добровольным выходом из партии, непосещением партсобраний либо неуплатой членских взносов. При подсчете доли исключенных членов партии учтены и члены, и кандидаты в члены партии.

Динамика исключений из партии, как и массовых репрессий, значительных в 1930-х годах и сокращавшихся в последующие, может служить индикатором появления условий для формирования региональных сетей. Большие чистки предвоенного периода привели к уничтожению целого поколения партийно-государственных функционеров¹. Второе поколение сталинских секретарей, получивших свои должности в результате чисток, начинало карьеры в ситуации дефицита доверия и слабости институтов, служащих опорой в карьерном росте². Для того чтобы понять стратегию региональных партийных функционеров, полезно обратиться к работам, посвященным сотрудничеству в других ситуациях слабого доверия. Одно из решений состояло в том, чтобы допускать в свое ближнее окружение лиц, явно скомпрометированных в каком-либо отношении³. Это можно

¹ См. главу 1.

² Вслед за авторами стандартных определений (см., например: *Hardin R. Trust and Trustworthiness*; *Cook K. S., Hardin R., Levi M. Cooperation without Trust?* N. Y.: Russell Sage Publications, 2005; *Whom Can We Trust? How Groups, Networks, and Institutions Make Trust Possible* / Ed. by K. S. Cook, M. Levi, R. Hardin. N. Y.: Russell Sage Publications, 2009; *Хоскинг Дж. Доверие: история*. М.: Политическая энциклопедия, 2016) мы понимаем под «доверием» ситуацию, когда доверяющий ожидает от доверяемого, что тот будет определенным образом сотрудничать с ним в обстоятельствах, которых ни один из них не может предвидеть. Для того чтобы доверие что-то значило, необходимо существование определенного расхождения в интересах между обоими акторами; если их интересы полностью совпадают, для сотрудничества требуется не доверие, а координация. Доверие начинает играть роль лишь в тех случаях, когда чистая выгода от предательства или недавней «эпидемии» предательств — необычайно высока. См. полезную работу, в которой разбираются эти проблемы: *Bacharach M., Gambetta D. Trust in Signs* // *Trust in Society* / Ed. by K. S. Cook. N. Y., 2001. P. 148–184.

³ Исторические примеры, взятые из самых разных контекстов, когда людей низкого социального происхождения, иностранцев, бывших рабов, евнухов и даже лиц малообразованных или недостаточно компетентных назначали на важные должности с тем, чтобы быть уверенным в их лояльности, см.: *Rosenberg H. Bureaucracy, Aristocracy, and Autocracy: The Prussian Experience 1660–1815*. Cambridge: Harvard University Press, 1958. P. 65, 67–68, 88–89; *Saller R. P. Personal Patronage under the Early Empire*. P. 112, 140; *Gambetta D. Codes of the Underworld*. P. 42–45; *Egorov G., Sonin K. Dictators and Their Viziers*. P. 904–908.

было делать при помощи внеочередного продвижения по должности, обеспечивая лояльность таких награжденных не по заслугам работников, или путем манипулирования компроматом, «темными пятнами» в их биографии¹. Важной основой построения региональных сетей могла служить круговая порука, складывавшаяся в результате совместного нарушения правил и законов для достижения определенных целей². Это предполагало неформальное исключение из сетей тех функционеров, которые не пользовались необходимым доверием, несмотря на то что продолжали занимать должности в аппарате. Соответствующие случаи также будут рассмотрены в книге.

¹ Об учете компрометирующих материалов в сталинский период и эволюции этих практик после смерти Сталина см.: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Архивы на службе тоталитарного государства (1918—начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 13–24; *Ширер Д.Р.* Сталинский военный социализм. Глава 5; *Shearer D.R., Khaustov V.* Stalin and the Lubyanka: A Documentary History of the Political Police and the Security Organs in the Soviet Union, 1922–1953. New Haven: Yale University Press, 2015. P. 153–156; *Weiner A., Rahi-Tamm A.* Getting to Know You: The Soviet Surveillance System, 1939–57 // *Kritika*. 2012. Vol. 13. № 1. P. 16–19, 23–34; *Сушков А.В., Михалёв Н.А., Баранов Е.Ю.* Расплата за соцпроисхождение: «дело» второго секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Г.С. Павлова. 1950–1951 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 6 (297). История. Вып. 54. С. 57–71; *Белоногов Ю.Г.* Участие в антибольшевистском движении периода Гражданской войны: эволюция компрометирующего фактора при регулировании состава номенклатуры местных парткомов в 1950-е годы // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию восстановления советской власти в Сибири / Ред. Д.И. Петин. Омск: Омский государственный технический университет, 2019. С. 25–29; *Harrison M.* Secret Leviathan: Secrecy and State Capacity under Soviet Communism. Stanford: Hoover Institution and Stanford University Press, 2023. Chap. 5.

² *Rigby T.H.* Khrushchev and the Rules of the Game // *Khrushchev and the Communist World* / Ed. by R.F. Miller, F. Feher. London: Croom Helm, 1984. P. 40; *Fairbanks C.H.* Clientelism and Higher Politics in Georgia, 1949–1953 // *Transcaucasia: Nationalism and Social Change* / Ed. by R. Suny. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, University of Michigan, 1983. P. 350–351, 354. Рассмотрение этих тем применительно к дореволюционному периоду см.: *Hosking G.* Patronage and the Russian State // *Slavonic and East European Review*. 2000. Vol. 78. № 2. P. 301–320; *Ledeneva A.V.* The Genealogy of Krugovaia Poruka: Forced Trust as a Feature of Russian Political Culture // *Trust and Democratic Transition in Post-Communist Europe* / Ed. by I. Markova. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 85–108.